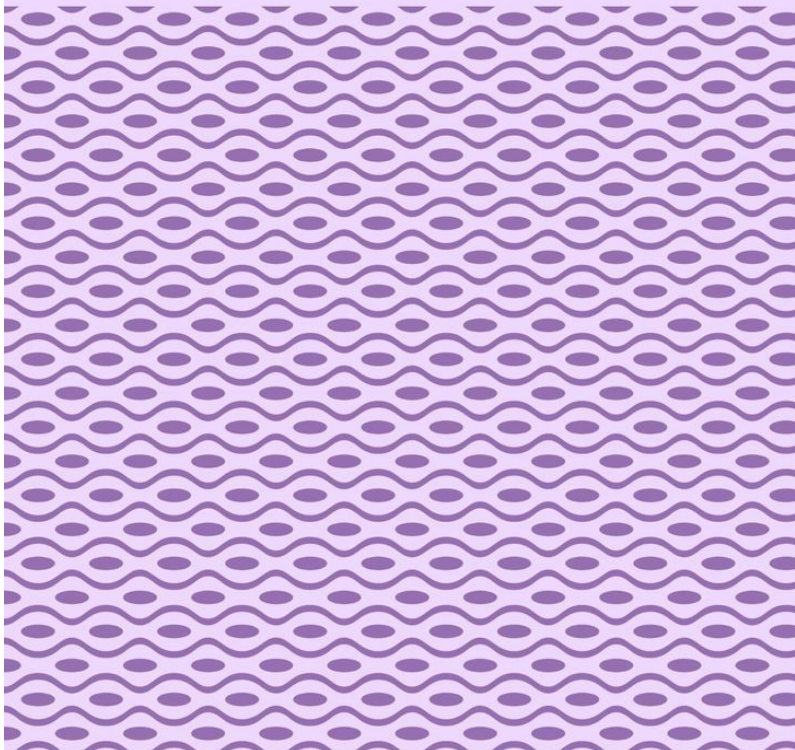


18+

Татьяна Зотова

Прикосновение

6 рассказов о любви



Татьяна Зотова
Прикосновение.
6 рассказов о любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63989026
ISBN 9785005325648*

Аннотация

У каждого своя история любви: счастливая или несчастная, взаимная или безответная, радостная или трагическая, но всегда наполняющая душу особенным светом, а жизнь – смыслом.

Содержание

Красота – страшная сила	5
От судьбы не уйдёшь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Прикосновение 6 рассказов о любви

Татьяна Зотова

© Татьяна Зотова, 2021

ISBN 978-5-0053-2564-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красота – страшная сила

Как каравелла, задрав корму и плавно покачивая крутыми бортами бёдер, она плыла по коридору студенческого общежития – большая, величественная, вместе с тем – лёгкая и быстрая, с прозрачной алебастровой кожей, тёмно-фиалковыми глазами и копной рыжих вьющихся волос. Не девушка, а метр восемьдесят сплошной красоты отнюдь не модельных параметров. В свободном пальто немислимого по советским меркам персикового цвета, в красных лодочках сорокового размера, с разноцветным шифоновым шарфом, гордо реющим вокруг длинной шеи, как флаг неизвестного государства. Её уже не было в коридоре, а аромат умопомрачительных французских духов ещё витал в воздухе, пробуждая в закоулках души самое низменное из всех отвратительных чувств: зависть. Откуда такое великолепие в эпоху тотального дефицита, когда предел мечтаний большинства – немаркое драповое пальто фабрики «Большевичка», коричневые сапоги «сороходы» и польский аромат «Быть может»?

Ольга была выше всех девушек и почти всех парней на курсе, но никогда не комплексовала по этому поводу. Разве она виновата в их низкорослости, в том, что кому-то не повезло с генетикой и не хватило витаминов? Лично ей хватило всего и даже с избытком. Она несла свой пятьдесят второй размер с достоинством королевы, скользя по-

верх голов прищуренным взглядом. Все думали: «Высокомерная гордячка», а девушка просто страдала близорукостью и не носила очки. Кошунство – прятать за толстыми линзами такие роскошные глаза. У неё всё было роскошное, в крайнем случае, яркое, даже домашний халат – длинный, в кружевных воланах, сочного малинового цвета. Студенты дружно сворачивали шеи, когда в своём кричащем туалете она дефилировала по коридору, и недоумевали: откуда в общежитии взялось это рыжеволосое чудо? Пересудов за её спиной было множество. Почему при всём своём благополучии девушка не снимет квартиру, соответствующую её статусу, или не переоденется во что-то более приемлемое, чтобы не дразнить бедноту? Какое-то время к Ольге присматривались, как к экзотической птице, случайно залетевшей в сельский курятник. Мало ли, вдруг хищница? Но незнакомка не задиралась, захватническую политику не вела, демонстрируя полное миролюбие. Жила себе и жила. И никуда не улетала, как будто не видела, не чувствовала диссонанса между собой и окружающей обстановкой. Как ей это удавалось – загадка.

Постепенно к ней привыкли. Не все, конечно. Мелочные завистницы пакостили по-тихому. Отодвигали её кастрюльку с варевом на общей плите в бытовой кухне, отключали свет или воду в душе, когда она заходила помыться. Одна девица приревновала к Ольге симпатичного водителя маршрутки. Шофёр всю дорогу щедро осыпал рыжую комплиментами и, в нарушение правил, подвёз прямо к крыльцу об-

щежития, на пятьдесят метров дальше остановки. Ольга мило улыбнулась парню, поблагодарила за доставку и вышла из машины, а за её спиной развернулась нешуточная драма. Разъярённая соперница, отвесив оплеуху «изменнику», мёртвой хваткой вцепилась в хлястик ненавистного персикового пальто и выдрала его с корнем. Изумлённые пассажиры наблюдали бесплатное шоу по мотивам басни Крылова «Слон и Моська». «Моська» грозно «лаяла» вслед. Ольга не реагировала, обнаружив нанесённый ущерб уже в комнате, когда сняла пальто. Конечно, она расстроилась. Испортить такую хорошую вещь! Выкуренная сигарета и чашечка горячего кофе, из старых домашних запасов, помогли восстановить душевное равновесие. Утром хлястик нашёлся у крыльца общаги и был аккуратно пришит на прежнее место.

Выдержку и характер ей передал по наследству отец. Ольга выросла в семье военнослужащего. Всё детство прошло в переездах по отдалённым гарнизонам. Последним пристанищем семейства стал закрытый городок атомного полигона, состоявший на обеспечении Министерства обороны. Отсюда и шикарный гардероб, и косметика с парфюмерией. Государство щедро расплачивалось за смертельные рентгены с теми, кто отдавал здоровье ради обороноспособности страны. Если бы Ольгиному отцу сказали, что всего через несколько лет Союз развалится, полигон закроют, а город умрёт, превратившись в призрак, он ни за что не поверил бы, сочтя

это дурной шуткой или вражеской пропагандой. Однако так и произошло.

После распада страны от городка остались только «рожки да ножки». Серые скелеты пустых корпусов, с тёмными глазницами оконных проёмов, ржавые трубы да вывороченные с корнем столбы оборванных электролиний. Стаи ворон и бродячие собаки, воющие в унисон степному ветру – вот и все живые обитатели городка. А в остальном – мёртвая зона.

Но тогда, в 84-ом, ещё ничто не предвещало катастрофы. Семья жила наполненной счастливой жизнью. Папа – полковник, мама – врач, и Оля – единственная обожаемая дочь. От любви и достатка она росла большой, красивой и совершенно беззлобной. Кроме школьной программы девочка изучала английский, ходила в музыкальную школу по классу фортепиано и даже посещала студию бальных танцев, правда, недолго, до того момента, пока не оказалась без партнёра. За одно лето она вымахала на 7 сантиметров, одновременно приобретая женственные формы, – какой-то гормональный всплеск. Недоросшие мальчишки, застывшие в своём развитии, стали шараться от неё, как липипуты от Гулливера. Ольга обиделась и ушла, не успев растерять танцевальные навыки до выпускного. На школьном балу она блистательно вальсировала с учителем физики, щекотавшим ее шею пышными усами и шептавшим на ухо пошлые вольности.

А потом был семейный отпуск на море. Смешной уха-

жёр Костя, высокий, нескладный, с оттопыренными ушами и острыми, как у кузнечика, коленками. Караулил её каждое утро за углом частного дома, сдаваемого на две семьи, с букетиком полевых цветов, робко спрятанных за спину, всякий раз боясь вручить их сразу. До берега они шествовали молча. Она первая раздевалась и шла купаться. Он торжественно, как к подножию обелиска, возлагал букетик цветов на её одежду и бежал следом, обгоняя и обдавая волной холодных брызг. Искупавшись, они тихо лежали рядом. Костик водил травинкой по её плечу, а она делала вид, будто ничего не замечает. Через несколько часов странная парочка возвращалась к обеду, обменявшись по дороге лишь несколькими фразами: «Сегодня – тёплое море», «Днём будет жарко».

Одну половину частного дома снимало Ольгино семейство, вторую – занимали Костик со своей мамой, бухгалтером из Сургута. Костина мама и Олины родители сдружились. Вместе ходили на пляж, ездили на экскурсии, а вечером устраивали совместные посиделки за общим столом. Взрослые заметили искру влюбленности, промелькнувшую между детьми, и мило подшучивали над ними. Костик трогательно краснел, как барышня, а Ольга смеялась.

В ночь перед расставанием дети долго гуляли по саду, держась за руки. Он кормил её персиками, целовал в щёку и заглядывал в глаза, ища одобрения. Она снова смеялась, и на большее он так и не решился.

Это было прощание с детством: чистым, светлым, без-

облачно счастливым, со вкусом персиков и запахом моря. Немного грустно, но она не жалела, рвалась из-под родительского крыла на свободу, во взрослую жизнь, совсем не ожидая подвоха. Радовалась поступлению в институт, строила планы, а долгожданная взрослая жизнь неожиданно и безжалостно дала ей под дых.

Внезапно. Вдруг. Умер папа. Вышел на утреннюю пробежку и умер от сердечного приступа. Отец был тем стержнем, на котором держалась семья. Папы не стало, и всё рухнуло. Мама замкнулась в своём горе и отдалилась. Загрузила себя работой, набрала дежурств, чтобы не сидеть в четырёх стенах. Дома она не находила себе места, неприкаянно бродила из угла в угол и курила. Ольга не знала, как её утешить. Просто старалась быть рядом – не помогало. В институте уже давно начались занятия, а она всё сидела рядом с мамой и боялась оставить её одну. Мама жертву не приняла. Помогла собрать чемодан и проводила дочь на вокзал. Поплакали по дороге и расстались.

Вот тебе и взрослая жизнь: никаких радостей, сплошные испытания. Папы нет. Мама далеко. Привычного уютного мира нет. Есть институт, обшарпанная общага и стипендия: сорок рублей. Ольга даже не успела испугаться и отчаяться. А смысл? Надо принимать неизбежность. Других условий всё равно не будет.

Характер у неё был папин – принципиальный. Свои принципы Ольга любила и всячески отстаивала, хотя на них ни-

кто не покушался.

«Женщина без косметики, как небритый мужчина», – любила повторять она, регулярно просыпаясь по звонку будильника в 6.30. Целый час она тщательно приводила себя в порядок, в то время как остальные студентки спокойно досматривали последние сны. Рыжина у Ольги была своя, естественная, природная. В натуральном виде девушка выглядела юной и трогательно беззащитной, но такой она себе не нравилась – слишком блёкло. «Красоту должно быть видно даже слепому из космоса», – шутила она и запросто могла опоздать к первой паре, но никогда не выходила из дома без причёски и макияжа.

Ещё Ольга органически не выносила беспорядка. И после любой вечеринки, даже подшофе в новогоднюю ночь, мыла грязную посуду и делала влажную уборку в комнате, невзирая на лежащих вповалку пьяных подруг. «Не хочу просыпаться в свинарнике», – твердила она, рьяно орудуя шваброй. С трудом верилось, что покрашенная фифа в ярком пенюаре и борец с нечистотами – одна и та же девушка – золушка после бала в туфельках сорокового размера.

С такой же маниакальностью Ольга относилась и к чистоте своего тела. Каждый вечер, в любом состоянии и при любом раскладе, она принимала душ. В общежитии на эту тему даже шутили, что все студенты произошли от обезьяны, одна Ольга – от рыбы. Ни холодная вода, ни отсутствие света и отопления не могли отменить водные процедуры. Однажды в тем-

ноте она даже не заметила парня в соседней душевой кабинке. Свет вспыхнул внезапно. Раздался удивлённый вскрик. Это молодой человек с воплями ретировался в испуге. Ольга лишь изумлённо хихикнула, поразившись мужской пугливости, и невозмутимо продолжила водные процедуры.

Несмотря на дикую популярность у мужского пола, устроить свою личную жизнь у Ольги не получалось. К ней приставали на улице, в общественном транспорте, заигрывали преподаватели, домогались таксисты – только всё это были не те. Серьёзных предложений не поступало, а мимолётных одно-разовых знакомств она избегала. Ждала большого светлого чувства и, разумеется, дождалась. Мечталось, что это будет совершенно особенный человек: обычного она бы не любила.

Егор был строен, высок, красив, в полном расцвете экзотической восточной красоты. Вместе они смотрелись забавно, как с плаката «Дружба народов»: смуглый парень азиатской внешности держит за руку белокожую славянскую девушку. По национальности он был кореец и обладал практически портретным сходством с дико популярным в то время певцом Виктором Цоем. Конечно, она выбрала его не только за сходство с известным музыкантом. Парень очень любил готовить, а она твердила, что мужчина на кухне – полная аномалия. Между ними начался русско-корейский кулинарный поединок. Каждый пытался доказать, что готовит вкуснее. Победила любовь. Некоторых мужчин и женщин заво-

дит в партнёре дух противоречия. Именно этот дух и разжёл нешуточные страсти. Перчика и прочих специй хватило с избытком. Всё жгло и горело в груди, как после приёма острых корейских блюд. Казалось, что дело непременно движется к свадьбе. Егор даже намекнул на какой-то новогодний сюрприз.

Он приехал встречать праздник с живой елью, тоненькой, с редкими веточками, но пахучей. Помог её нарядить и, наполнив бокалы, стал говорить тост, а она, затаив дыхание, ждала, что вот сейчас он сделает ей предложение. Но так и не дождалась. Ничего такого он не сказал, просто поздравил с новым годом. Часик посидел за столом, почти не пил, что совсем не в его духе, и собрался уходить.

Ольга расстроилась, не понимала, куда он так спешит. Просто спросила, не хочет ли он сообщить ей что-то важное.

– Извини, тороплюсь. У меня завтра – свадьба.

Сюрприз удался. Она так и остолбенела от «счастья». И это могло сойти за новогоднюю шутку, если бы не было правдой.

Он на самом деле собрался жениться на девушке-корейке. Девушка ждала ребёнка, и Ольга – тоже. Как он умудрялся встречаться с двумя одновременно? Непонятно.

Зов крови пересилил.

– Любовь – любовью, а жениться нужно на своих, – заявил он на прощание и получил вслед тапкой.

Через несколько месяцев Ольга родила сына. Обошлась

без мужа и даже без обменной карты. Здоровый упитанный малыш сделал маме настоящий подарок, явившись на свет в канун восьмого марта. Едва придя в себя, проигнорировав запреты персонала, роженица потребовала принести ей в роддом косметичку и щипцы для завивки волос.

– Не хватало, чтобы на первом кормлении ребёнок лице-зрел неприбранную мамашу. С пелёнок буду приучать сына к красоте!

Сына она назвала Романом, Ромкой, Ромашечкой. Ромашечка получилась экзотическая, выращенная на корейском лугу. Не зря папаша так дорожил своей кровью. Кровь оказалась стойкой, доминирующей. Малыш – копия маленького Будды: такой же спокойный, уравновешенный, сосредоточенный на своём пупке и внутреннем мире, не пищал, не капризничал, ел и спал, как полагается, строго по расписанию. Даже пелёнки пачкал аккуратно, слегка покряхтев и наморщив маленькие бровки.

Отец от него не отказывался, время от времени навывался полюбоваться на своё отражение, а заодно и проконтролировать Ольгу. Где была, с кем встречалась, на кого ребёнка оставила?

Особо счастливым женатый папочка не выглядел. В законном браке у него родилась дочь, и столько сожалений было от того, что не сын, как будто мир перевернулся с ног на голову. Так уж все мужики устроены, а у восточных – пунктик по этому вопросу: только сына-наследника подавай.

– Ну, что поделывать, сынок, так сложилось, – укачивая малыша, тяжело вздыхал он, видимо, оправдываясь за эпизодические посещения.

– Можно подумать, не сам делал свой судьбоносный выбор, – усмехалась Ольга, наблюдая за душевными терзаниями Егора.

В законном браке папаша продержался недолго, и как только развёлся, забрал Ольгу с сыном к себе. А она, как дура, согласилась. Подумалось: вот оно, её долгожданное счастье, поблуждало и вернулось. Теперь у неё есть муж, а у ребёнка – отец. Всё как полагается: хэппи энд.

Но никакого хэппи в семейной жизни не получилось. Иллюзия развеялась очень быстро. Оказывается, это не Егор с корейской женой развёлся, а она с ним: не выдержала его безалаберности. Ну, не создан человек для семейной жизни, завис где-то в студенчестве, в беспробудном пьянстве в компании друзей: бесконечный праздник и никакой ответственности.

Ольга ответственности не боялась, привыкла всё взваливать на себя. В браке для неё по большому счёту ничего не изменилось, только теперь у неё вместо одного было два ребёнка: сын и муж.

Изначально к мужу никаких требований не предъявлялось – лишь бы был. Но когда тот материализовался во всей красе, появились и требования. Ничего сверхъестественного: чтобы приносил хоть какую-то зарплату и находился

в трезвом уме, хотя бы время от времени. Но именно эти два пункта Егору никак не давались. Ни на одной работе больше двух недель он не задерживался. Ольга терпела и даже сочувствовала. Ну, не везёт её непунктуальному мужу с работодателями, всё время нарывается на бесчувственных бюрократов и самодуров. Опоздал на пять минут или пришёл после праздника с лёгким перегаром – до свидания. Можно подумать, сами – святые.

Но со временем поняла, что Егор просто не хочет работать, и его всё устраивает. Безденежье она бы ещё как-то пережила, а вот беспробудное пьянство и равнодушие – не смогла.

Однажды Рома простудился и заболел. Две недели она с малышом провели в больнице. Пневмония – дело нешуточное. Муж всего один раз пришёл их проведать – пьяный и с пустыми руками. Лучше бы совсем не приходил, чем в таком виде – позорище.

На выписку Егор не приехал, забыл, хотя она его просила привезти тёплые вещи, подробно объяснив, что где лежит.

Войдя в квартиру, Ольга сначала даже подумала, что ошиблась дверью. За две недели семейное гнездышко превратилось в вокзальный притон: горы невымытой посуды и пустых бутылок. В супружеской спальне на её белоснежных простынях наглым образом вповалку дрыхли два невымытых мужика и какая-то алкоголичка. Любимый муж валялся на диване в гостиной.

– Ты кто? – спросил он, когда Ольга его растолкала. – Пошла на ...! – услышала отборный русский мат.

Белой горячки она дожидаться не стала, собрала Ромку в охапку и уехала к маме в Донецк.

Атомный городок, где так счастливо в советское время жила их семья, закрыли, оставшиеся без работы люди подались кто куда. Олина мама вернулась на родину, на Украину, ещё не подозревая, что и здесь спокойной жизни скоро не будет. Заявившуюся с корейским внуком дочь она приняла холодно и настороженно. Ну, как она покажет соседям это раскосое чудо?

Малолетний Ромка уже сам умел чистить зубы, завязывать шнурки, убирал со стола посуду и так залихватски пел «Ты ж меня пидманула», что все соседки, не сговариваясь, кликали его гарным хлопчиком, и бабуля оттаяла.

Ольга снова вышла замуж. Во второй раз она не торопилась с принятием решения, старалась всё сделать правильно, с учётом предыдущих ошибок. Любовь – любовью, а настоящий мужчина должен хорошо зарабатывать и достойно содержать свою семью.

Серёжа работал главным инженером на шахте и по тем временам получал прилично. Молодые обзавелись квартирой, машиной и родили ещё одного мальчику, Илью.

Илья получилась полной Ромкиной противоположностью: типичный светленький славянин, болезненный и капризный. Ольга сама удивлялась непохожести своих сыновей: родные

братья, но настолько разные, как будто не от одной матери.

Сергей своего сына обожал, а Рому игнорировал. Ромашке – хоть бы хны, на любовь чужого дяди он и не рассчитывал. А вот Илья от отцовской залюбленности и вседозволенности становился совершенно несносным. Ребёнок усвоил только одно слово «дай» и если не получал желаемого по первому требованию – сразу в крик. Его слёзы и истерики, как правило, завершались семейным скандалом.

– Ты же – мать, успокой ребенка! – требовал муж с подачи своей мамочки, которая окончательно перебралась к ним, напрочь забыв, что приехала только на крестины.

Ольга не выносила скандалов, а вот Сережина мама очень любила выяснять отношения и всё время находила для этого повод. Казалось бы, чистота в квартире идеальная, все сыты, обстираны, накормлены, ан нет: простыни влажные, полотенца пересушены, тюбик зубной пасты не с того конца надавлен. Но больше всего её раздражал Рома, занимавший половину комнаты брата.

– Детская комната у нас в квартире одна – общая, – спокойно отвечала Ольга на очередные претензии свекрови.

– Илюше нужно больше воздуха, и свет ему мешает заснуть.

– Воздуха в комнате достаточно. Чаще гуляйте с ребёнком. Рома сделает уроки и выключит ночник. У него завтра – контрольная по математике.

Не дождавшись от Ольги нужной реакции, мама доставала

сына.

– Ты же – мать, создай ребёнку идеальные условия, – высказывал муж, после очередной маминой накрутки.

– Идеальных условий не существует. Рома прекрасно засыпал при свете, когда в общежитии я готовилась к сессии.

– Слава Богу, мы не в общежитии. Хорошо, мама не знает, что твой Рома нагулян в общегае.

Это был удар ниже пояса. Даже в общегае ей жилось проще, и люди были другими – добрее.

Большую часть времени Ольга с Ромой проводили у её мамы. А Сергей с Ильей и свекровью проживали в их новой квартире.

Этот брак продержался четыре года. Муж сам подал на развод. Он встретил другую женщину, гораздо моложе себя, которая уже ждала от него ребенка. Надо отдать ему должное, при разводе он не мелочился, купил Ольге двухкомнатную квартиру и регулярно платил алименты на Илью, пока не умер.

Умирал Серёжа тяжело в расцвете лет от онкологического заболевания. В последние полгода, когда молодая жена ушла от него, Ольга по очереди с его мамой ухаживала за ним. Женщины прекрасно ладили, с полуслова находили общий язык, не понимая, почему раньше они не могли договориться.

Время затянуло сердечные раны. О замужестве Ольга больше не думала, считала, что если климакс на горизон-

те, думать о мужчинах поздно. Занялась карьерой, прошла, наконец, специализацию по косметологии и собиралась открыть частную практику.

Сыновья выросли. Рома окончил университет и работал в Киеве программистом. Илья поступил в транспортный институт. Характер у младшего под авторитетным влиянием старшего всё-таки выправился, и Ольга уже не боялась оставить на него квартиру, кота и бабушку, за которой уже по возрасту требовался присмотр.

Ольга любила свой сегодняшний возраст: дурь выветрилась, а маразм ещё не наступил. Пришло ощущение некоторой свободы и материальной независимости, появилась возможность заниматься любимым делом. Всё хорошо, живи и радуйся. Ан нет: началась война.

Переворот в Киеве не ограничился территорией столицы и принял угрожающий размах в масштабах всей страны. Под нацистскими лозунгами начались наезды на Донбасс, и, конечно, город воспротивился и восстал. Баррикады возникали стихийно. Никому не верилось, что этот кошмар всерьёз и надолго. Попугают, успокоятся и пойдут на уступки, поймут, что плясать под их бандеровскую дудку никто не собирается. Но защитников города объявили террористами, людьми вне закона. Перекрыли железнодорожные пути и водные коммуникации, оставили без копейки, да ещё стали расстреливать из крупнокалиберных миномётов. Вот тут волна праведного народного гнева захлестнула донетчан по-

настоящему. Как можно с таким цинизмом и ненавистью уничтожать свой народ? За что стрелять в обычных граждан, всего лишь не поддавшихся русофобии, национальной истерии и не поддержавших до рвавшихся до власти американских марионеток? Где же хваленая демократия и свобода, за которую так ратовали на Майдане? Чем же «оранжевые» лучше Гитлера или Сталина, если всех несогласных – к стенке?

Ничем. Лозунги – новые, а методы – прежние. И ведь специально целятся в заводы, школы, дома: уничтожают город, стирают с лица земли.

В панике люди бежали из Донецка семьями, а она осталась. Куда бежать, если её семья: сын, мама, кошка – здесь. Только Рома, как Штирлиц, в Киеве на вражеской территории. У него контракт и денежная работа. Теперь он, их главный кормилец, регулярно передает ей деньги с водителем рейсового автобуса – единственная связь с большим миром. Только бы автобус по дороге не расстреляли. Банки не работают, переводом деньги не пошлешь. Про косметологию пришлось забыть до лучших времен. О красоте лица на войне некогда думать: выжить бы.

Первые месяцы войны даже вспоминать страшно. Ольга с ужасом выбегала из дома только в магазин: надо же чем-то кормить семью. Плохие новости доходили быстро. В маршрутке под обстрел попали сотрудники её бывшего отделения, люди просто ехали на работу. Медбрат, молодой мальчик,

погиб, две медсестры ранены, лежат в хирургии.

Больница в самом эпицентре обстрела, рядом с аэропортом. Но сидеть дома, трястись и ждать смерти, уже не было сил. Врачей не хватает, каждые руки на вес золота. И Ольга вышла на работу: в коллективе легче, да и время летит быстрее.

Стреляли часто, особенно ночью, когда наблюдатели ОБСЕ уезжали в отели. Стёкла в санчасти вылетали с грохотом. Дежурные санитарки вставляли в пробойны подушки, заматали осколки, а утром приходилось натягивать на оконные проёмы плёнку: стеклить бесполезно, снова выбьют. Не было света, воды, отопления, но на такие мелочи никто не обращал внимания. Больница работала круглосуточно. Хирурги оперировали раненых и экстренных при свете настольных ламп, питаемых от переносных аккумуляторов и даже при свечах. А что делать? Не бросишь же человека с осколком умирать. Спасали жизни, оказывали первую помощь, а потом выхаживали практически в военно-полевых условиях.

Илья удивлялся, не понимал, зачем она ходит на работу, ведь могут убить.

– Убить могут везде, кому, как повезёт, – отвечала она.

В соседнем доме вчера два подъезда вынесло взрывом. Выжили только те, кого случайно не оказалось дома.

Главный врач вполне конкретно пообещал деньги и гуманитарку из России всем медикам, а ещё запись в трудовую книжку: благодарность за труд в условиях боевых действий.

Александр Михайлович, заведующий отделением хирургии, её давний знакомый и хороший друг, которого она за просто называла Сашей, поделился с ней приличными сигаретами и грустно пошутил:

– А через несколько лет за это наградят или посадят?

Саша ей всегда нравился: умный, интеллигентный, законченный холостяк, давно разведён и в последние восемь лет – сколько Ольга его знает – женат исключительно на своей работе.

На красноречивые взгляды, намёки, робкие попытки Саша за ней приударить, она отшучивалась. В мирное время все эти симпатии казались неважными. Сто раз подумаешь, надо ли им в их возрасте заводить какие-то отношения. Дружба – прекрасное чувство. Стоит ли ради непродолжительного служебного романа всё портить?

Война всё перевернула и упростила. Когда каждый день видишь смерть и знаешь, как нелепо вдруг может оборваться жизнь, оцениваешь всё по-другому. Живешь здесь и сейчас: одной минутой, одним часом, одним днём. О будущем лучше не думать, чтобы не расстраиваться. Сегодня ты есть, а завтра? Идёшь на дежурство с одной целью: продержаться ночь.

Эту ночь они отстояли. Она – в терапии, он – в хирургии. Некогда было даже парой фраз перекинуться, встречались за редкими короткими перекурами на подоконнике между этажами. Больше молчали и обменивались взглядами, как

школьники на перемене.

Утром после работы вышли вместе. Над городом висела непривычная тишина: объявили временное перемирие. Как же хорошо без пальбы. Спокойно. Не нужно затыкать уши от жуткого воя сирен, пригибать голову и куда-то бежать.

– Может, ко мне? – хриплым голосом предложил Саша, взяв её за руку.

От тепла его руки исходила настоящая мужская уверенность. С ним было не страшно, и она согласилась.

Поехали к нему, и всё сразу случилось так, как будто всю жизнь они искали друг друга и, наконец, нашли. Что это? Стресс? Длительное половое воздержание?

Как же хорошо чувствовать себя просто женщиной, милой, слабой, желанной, не думать о войне, совсем ни о чём не думать, просто лежать, получать удовольствие и кофе в постель.

Ольга давно перестала мечтать о таком мужчине, чтобы принес ей кофе. Никто никогда для неё ничего подобного не делал. Всё сама-сама: и кофе, и тапочки. И вдруг мечты обрели реальность. Всё сбывается, когда совсем перестаёшь об этом думать.

Интересно, где он раздобыл в Донецке хороший кофе в такую лихую пору, когда даже с сигаретами – напряжёнка, и она уже почти бросила курить.

– О чём думаешь?

– О тебе. Спасибо. Кофе обалденно вкусный, – поблагодарила Ольга и вдруг спохватилась: – Ой, не смотри на меня. Без косметики я, наверное, жуткая образина.

– Не придумывай. Ты всегда красивая.

Как же давно она не слышала таких приятных слов.

Странное чувство. Как-то всё неправильно и не вовремя. Война, разруха, постоянный страх за маму и сыновей. Нет элементарных условий для жизни, и даже привычной еды нет, а она счастлива.

Она ненавидит войну, но именно войне должна быть благодарна за их соединение с Сашей. Ведь в мирное время она наверняка никуда не поехала бы, подумала, что у неё нет подходящего платья, бельё не то, да и соглашаться вот так сразу не принято и дурной тон. А Саша наверняка обиделся бы на отказ и второй раз не пригласил. Сколько прекрасных минут в жизни они потеряли и упустили из-за этих условностей. Или не упустили? Откуда-то появилась уверенность в завтрашнем дне. Она чувствовала, знала: всё будет хорошо. Они выживут и будут вместе. Они уже вместе.

От судьбы не уйдёшь

«И от Москвы до Британских морей Красная армия всех сильней», – бодро раздавалось из всех громкоговорителей городского военкомата.

Вера Крылова бежала вдоль высокого забора, надеясь найти какую-нибудь щель, чтобы хоть краешком глаза увидеть среди призывников своего Костю. На территорию её не пустили, грубо отшвырнув, как бродячую собаку.

– Гражданочка, прощание окончено. Не мешайте отправлению! – прокричал постовой.

В подтверждение его слов с пронзительным скрипом разехались железные ворота, выкрашенные зелёной краской, и в проёме показался мощный нос головной машины.

– Поехали! – прозвучала команда, и колонна тронулась.

Худой вспотевшей спиной Вера вжалась в забор, а мимо неё, поднимая клубы пыли, проносились крытые грузовики.

– Костя! Я буду ждать тебя! – отчаянно взмахнув руками, прокричала Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.